

УДК 811.161.1'38

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА АДРЕСАТА В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ Б. ПАСТЕРНАКА

Т. В. ЗЕМЛЯНИК^{1), 2)}

¹⁾Институт пограничной службы Республики Беларусь, ул. Славинского, 4, 220103, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявлены языковые средства создания образа адресата в письмах Б. Пастернака к Е. Пастернак, М. Цветаевой, З. Пастернак, О. Фрейденберг. Представлены и охарактеризованы обращения в начальной и срединной позициях, атрибутивные и субстантивные лексемы, являющиеся наиболее значимыми элементами языка при создании образа адресата. Описаны атрибутивные лексемы, осознанно отобранные автором для создания определенного коммуникативного образа. Показано, что они приобретают различные значения в зависимости от лексико-семантического и грамматического окружения и наделяют образ адресата присущими только ему чертами. Установлено, что при создании образа адресата автор активно использует абстрактные существительные, которые вводятся в текст для характеристики положительных черт личности адресата, отражают авторское видение и восприятие, участвуют в реализации такого приема воздействия на адресата, как похвала.

Ключевые слова: языковые средства; образ адресата; эпистолярный текст; Б. Пастернак; Е. Пастернак; М. Цветаева; З. Пастернак; О. Фрейденберг; обращение; атрибутивные лексемы; субстантивные лексемы.

МОЎНЫЯ СРОДКІ СТВАРЭННЯ ВОБРАЗУ АДРАСАТА Ў ЭПІСТАЛЯРНЫХ ТЭКСТАХ Б. ПАСТЭРНАКА

Т. В. ЗЯМЛЯНИК^{1*, 2*}

^{1*)}Інстытут пагранічнай службы Рэспублікі Беларусь, вул. Славінскага, 4, 220103, г. Мінск, Беларусь

^{2*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Выяўлены моўныя сродкі стварэння вобразу адрасата ў лістах Б. Пастэрнака да Я. Пастэрнак, М. Цвятавай, З. Пастэрнак, В. Фрэйдэнберг. Прадстаўлены і ахарактарызаваны звароты ў пачатковай і сярэдняй пазіцыях, атрыбутыўныя і субстантыўныя лексемы, якія з'яўляюцца найбольш значымі элементамі мовы пры стварэнні вобразу адрасата. Апісаны атрыбутыўныя лексемы, свядома адабраныя аўтарам для стварэння пэўнага камунікатыўнага вобразу. Паказана, што яны набываюць розныя значэнні ў залежнасці ад лексіка-семантычнага і граматычнага акружэння і надаюць вобразу адрасата ўласцівыя толькі яму рысы. Вызначана, што пры стварэнні вобразу адрасата аўтар актыўна выкарыстоўвае абстрактныя назойнікі, якія ўводзяцца ў тэкст для характарыстыкі станючых рыс асобы адрасата, адлюстроўваюць аўтарскае бачанне і ўспрыманне і ўдзельнічаюць у рэалізацыі такога прыёму ўздзеяння на адрасата, як пахвала.

Ключавыя словы: моўныя сродкі; вобраз адрасата; эпістальны тэкст; Б. Пастэрнак; Я. Пастэрнак; М. Цвятава; З. Пастэрнак; В. Фрэйдэнберг; зварот; атрыбутыўныя лексемы; субстантыўныя лексемы.

Образец цитирования:

Земляник Т. В. Языковые средства создания образа адресата в эпистолярных текстах Б. Пастернака // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 2. С. 94–102.

For citation:

Ziamlianik T. V. Language tools for creating an image of the addressee in the epistolary texts of B. Pasternak. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 2. P. 94–102 (in Russ.).

Автор:

Татьяна Валерьевна Земляник – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин¹⁾; аспирантка кафедры русского языка филологического факультета²⁾. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т. Н. Воынец.

Author:

Tatsiana V. Ziamlianik, senior lecturer at the department of social and humanitarian disciplines^a; postgraduate student at the department of Russian language, faculty of philology^b.
zemlyanik_tanya@mail.ru

LANGUAGE TOOLS FOR CREATING AN IMAGE OF THE ADDRESSEE IN THE EPISTOLARY TEXTS OF B. PASTERNAK

T. V. ZIAMLIANIK^{a, b}

^a*Institute of Border Troops of the Republic of Belarus, 4 Slavinskaha Street, Minsk 220103, Belarus*

^b*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The language tools for creating the recipient's image in B. Pasternak's letters to E. Pasternak, M. Tsvetaeva, Z. Pasternak, O. Freidenberg are revealed. Presented and characterized appeals (in the initial and middle positions), attributive and substantive lexemes, which are the most significant elements of the language when creating the image of the addressee. The attributive lexemes, deliberately selected by the author to create a certain communicative image, are revealed and described. They acquire different meanings depending on the lexical-semantic and grammatical environment and give the image of the addressee certain features inherent only in him. It is established that when creating an image of an addressee, the author actively uses abstract nouns. They are introduced into the text to characterize the positive traits of the recipient's personality, reflect the author's vision and perception, and participate in the realization of such a method of influencing the addressee as praise.

Key words: language tools; addressee's image; epistolary text; B. Pasternak; E. Pasternak; M. Tsvetaeva; Z. Pasternak; O. Freidenberg; appeal; attributive lexemes; substantive lexemes.

Введение

Ключевой фигурой в эпистолярной коммуникации является адресат. Настроенность на его личность определяет авторский выбор интенций, способов реализации жанровых свойств текста, преобладающих тем, средств для их воплощения и стиля общения. Как отмечает А. В. Курьянович, «автор вольно или невольно раскрывает себя с тех сторон, которые актуально/потенциально востребованы именно собеседником» [1, с. 243]. Образ адресата как доминанты моделирования текста вызывает постоянный интерес ученых-лингвистов (см. работы В. В. Виноградова, Н. Д. Арутюновой, М. М. Бахтина, Н. И. Формановской, И. И. Баклановой и др.¹), однако способы реализации дистантной коммуникации в эпистолярном жанре за счет употребления автором тех или иных грамматических единиц и моделирования образа адресата практически не разработаны.

Цель данной статьи – выявить языковые средства создания образа адресата в письмах Бориса Пастернака к Евгении Пастернак (Лурье), Марине Цветаевой, Зинаиде Пастернак (Нейгауз), Ольге Фрейденберг.

Теоретические основы исследования

Адресат речи – это «тот, кому направлено речевое произведение, кто провоцирует общение (речевое или текстовое), тот, кому отправляют письмо, телеграмму» [2, с. 77]. Каждое произведение ориентировано в той или иной степени на адресата, поэтому можно говорить о том, что адресат всегда выступает как своеобразный соавтор эпистолярного текста.

Содержание писем Б. Пастернака многогранно: в них находим литературно-критические оценки произведений современников, характеристику собственного творчества, размышления о творчестве вообще, бытовую и автобиографическую информацию, рассуждения об отношениях с окружающей действительностью, людьми и др. Разнообразие тем и ориентация на определенного адресата обуславливают разнообразие форм выражения информации.

Циклы писем, адресованных М. Цветаевой и двоюродной сестре поэта О. Фрейденберг, являются самыми объемными и значимыми в эпистолярном наследии Бориса Пастернака. По мнению Л. Гинзбург, «письма к М. Цветаевой и отчасти к О. Фрейденберг – это любовные письма, но в совсем особом, уникальном роде. В одном случае объектом любовных признаний является большой поэт (по своему обыкновению Пастернак ставит Марину Цветаеву как поэта выше себя), в другом случае – будущий большой ученый, с самого начала выдающийся интеллектуальный партнер» [3, с. 8].

¹ Виноградов В. В. О теории художественной речи. М. : Высш. школа, 1971; Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М. : Наука, 1980; Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. Рос. Акад. наук. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4. С. 356–367; Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. М. : Рус. словари, 1996; Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М. : Рус. яз., 2002; Бакланова И. И. Образ адресата нехудожественного текста на примере мемуаров // Рус. яз. в школе, 2009. № 5. С. 71–75.

В случае переписки с М. Цветаевой можно говорить об отдельном литературном произведении, так называемом романе в письмах, в котором Б. Пастернак с восхищением пишет о стихотворениях М. Цветаевой, ее поэмах «Крысолов», «Поэма Горы», «Поэма Конца». Помимо эмоционального выражения отношения к творчеству М. Цветаевой, автор дает литературно-критическую оценку ее произведений, содержащую положения, важные для понимания его эстетики.

Переписка Б. Пастернака с О. Фрейденберг, продолжавшаяся с 1910 по 1954 г., занимает значительное место в эпистолярном наследии поэта. Письма адресованы талантливому ученому, который был равен по интеллектуальному уровню Б. Пастернаку и связан с ним родственными отношениями.

Эпистолярные тексты, адресованные Е. Пастернак и З. Пастернак, – это письма к любимым женщинам. Ключевая тема данных циклов писем – любовь, выраженная в особенной манере в зависимости от адресата. На ранних этапах переписки с обоими адресатами автор стремился к идеальному, наиболее точному выражению своего чувства наряду с положительной оценкой адресата. В более поздний период эпистолярной коммуникации ключевой темой писем к Е. Пастернак становится тема разрыва на фоне любви, омраченной обидами, упреками, обвинениями, бытовыми неурядицами.

Результаты и обсуждения

В эпистолярных текстах Б. Пастернака представлены различные способы и средства создания образа адресата. В данной статье нами будет рассмотрен сегмент начальных и срединных обращений к избранным адресатам, а также выявлено использование особых для каждого из коммуникативных партнеров субстантивных и атрибутивных лексем.

Обращения являются маркером внутреннего состояния автора, обусловленного характером его отношений с адресатом. Как считает Н. И. Формановская, «прагматически значимое название объектов действительности, в том числе своего партнера (при обращении), третьего лица, а также самоназывание (при знакомстве) несет информацию об оценке называемого, об ориентировке в ситуации и в социальных признаках собеседника или третьего лица и т. д. и заключается во многом в периферийных единицах языка: переносных значениях слов и форм, обращениях и названиях лиц, представлениях при знакомстве и т. д. Так, то или иное название человека, выбранное говорящим в определенной ситуации общения, несет прагматическую информацию, имеет этикетное значение...» [2, с. 6].

Начальное обращение в письмах Б. Пастернака является наиболее значимым и реализует такие функции, как установление и поддержание контакта, создание эффекта присутствия адресата, самопрезентация автора. От выбора автором формы начального обращения зависит определенное восприятие содержания эпистолярного текста адресатом. Для эпистолярного поэта характерно также отсутствие начальных обращений, обусловленное определенной авторской целью, в некоторых случаях комментируемое автором в тексте письма.

В письмах Б. Пастернака к Е. Пастернак представлены начальные обращения, включающие в свою структуру формы имени адресата: *Женичка, Женичка ласочка, Женя, дорогая Женюра, дорогая Гулюшка Женя, дорогая Женичка*. Наиболее частотной в употреблении оказывается уменьшительно-ласкательная форма имени *Женичка*, задающая родственно-эмоциональный тон письма. Атрибутивная лексема *дорогая* в составе обращения выражает отношение приязни и реализует значение ‘такая, к которой испытывают привязанность, любовь, нежность, близкая сердцу; милая, любимая’ («Словарь русского языка» в 4 т. под ред. А. П. Евгеньевой; далее – МАС). Широко представлены начальные обращения, не включающие в свой состав форму имени адресата: *дорогая гулюшка; милая белая девочка; нежно любимая моя; друг мой; дорогая моя; дорогая девочка, жена моя и друг; милый друг; родная, родимая; милая подружка; милая девочка*. Ключевые лексемы *девочка, друг, дорогой, милый, мой* подчеркивают близость отношений между коммуникативными партнерами, раскрывают авторское восприятие адресата с определенных (наиболее важных) сторон, являются маркерами эмоциональной положительно-родственной атмосферы письма, в которой выдерживается весь эпистолярный текст.

Начальное обращение является не менее значимым сегментом в структуре писем Б. Пастернака к М. Цветаевой. Каждый из шести эпистолярных текстов в цикле писем за 1922–1923 гг. имеет одинаковое начальное обращение – *Дорогая Марина Ивановна!* Официальная тональность обращения обусловлена непродолжительностью знакомства с адресатом и подчеркнута уважительным отношением к нему. Шестое письмо данного временного цикла отличается выбором постановки знака препинания в конце обращения: в нем используется точка вместо обычного восклицательного знака. В тексте письма автор поясняет, что смена знака препинания не является случайной: *Осмотритесь в этом представленном: в нем найдите объяснение моего сдержанного величания Вас и дикого этого запоздания*² [4, с. 452]. В письмах 1924 г. Б. Пастернак использовал начальное обращение *Дорогая Марина!*, что

²Здесь и далее сохранена орфография автора. – Т. 3.

определяет целевую программу цикла: автор восхищается творчеством адресата, при этом наблюдается новая стадия в их отношениях, позволяющая сократить личностно-эмоциональную дистанцию. Нестандартной является форма начального приветствия, в которой использована развернутая конструкция с характеристикой автора, метафорами и тройным обращением по имени: *Марина, золотой мой друг, изумительное, сверхъестественно родное предназначенье, утренняя дымящая моя душа, Марина, моя мученица, моя жалость, Марина* [4, с. 481]. Цель данного обращения – создание пресуппозиционного фона, позволяющего прогнозировать смысловую нагрузку письма. В представленном контексте обращение является эксплицитным маркером характеристики адресата и сочетает в себе три функции: адресации, номинации и характеристики (по Ковтуновой [5]). В словосочетании *золотой друг* атрибутивная лексема реализует переносное значение ‘дорогой, любимый’, которое в МАС приводится с пометой «в обращении», т. е. данное лексическое значение адъектив приобретает исключительно в устойчивом выражении-обращении. При этом можно наблюдать синкретизм характеристики адресата с ярко выраженным отношением автора к коммуникативному партнеру. Интересно, что со следующей парой адъективов во фразе *изумительное, сверхъестественно родное предназначенье* автор намеренно не употребляет притяжательное местоимение *мой*, чтобы не ограничивать общую семантику словосочетания, определяемую семантикой субстантивной лексемы (‘то, что предназначено кому-нибудь, судьба’). Смысловая нагрузка в данном словосочетании лежит на имени существительном, с которым коррелируют имена прилагательные. Модальность расширяется: адресат предназначен не только автору, а всему миру. С помощью атрибутивных лексем автор характеризует адресата с положительной стороны: *изумительное* ‘вызывающий изумление, поражающий своей необычностью, превосходным качеством, красотой; удивительный’ (МАС); дает эмоционально-экспрессивную оценку их отношениям, демонстрирует необыкновенно естественные, родственные отношения при полном отсутствии родственной связи (так называемое родство душ). Окациональная (нестандартная) сочетаемость проявляется как в рассмотренных выше словосочетаниях, так и в словосочетании *утренняя душа*. Создается яркий художественный образ, имеющий индивидуально-авторскую оценку. Прилагательное *утренний* в представленном словосочетании реализует значение ‘начало дня, пробуждение ото сна’ (МАС) и моделирует сложный образ лексемы *душа*, расширяющей свою семантику также за счет сочетаемости с причастием *дымящий*.

Кроме начального приветствия, в основную часть текста данного письма включены два обращения с использованием формы имени адресата, эксплицитно раскрывающие коммуникативную цель автора: демонстрация восхищения дарованием адресата, признание в любви гению, равновеликому поэту: *Ах, Марина, Марина; О как я Вас люблю, Марина!*

Письма Б. Пастернака к М. Цветаевой следующих временных циклов отмечены почти полным отсутствием начального обращения, что, на наш взгляд, обусловлено авторским отрицанием важности конкретной личности и интенцией подчеркнуть значимость творчества, дарования, гения. Помимо этого, создается впечатление непрерывного диалога между Б. Пастернаком и М. Цветаевой, который не нужно начинать и заканчивать, а значит, приветствовать адресата и прощаться с ним нет необходимости.

Существенно отличаются начальные обращения Б. Пастернака к З. Пастернак (Нейгауз) в период с 1930 по 1931 г. (автор и адресат не являлись супругами) и в период с 1933 по 1957 г. (коммуникативных партнеров связывали супружеские отношения. На ранних этапах эпистолярной коммуникации автор использовал клишированные формы обращений (*Друг мой!; Дорогая Зина!*), а с середины 1931 г. обращения становятся более развернутыми, ориентированными на конкретную личность, задающими эмоциональный тон письма: *Родная моя, удивительная, бесподобная, большая, большая; Ангел мой; Жизнь моя, моя горячо любимая, единственная моя, мое самое большое и предсмертное, Зина, ликование мое и грусть моя, наконец-то я с тобою; Любушка, прелесть моя неслыханная*. Обращения, употребляемые в данный период, эксплицитно выражают глубину чувства автора, силу и повышенную эмоциональность испытываемой им душевной привязанности. Неслучайно для реализации этой цели адресант отдает предпочтение атрибутивным лексемам как базисным составным частям обращений: прилагательные являются наиболее эмоционально-экспрессивной частью речи, обладающей наибольшим потенциалом в выражении субъективных авторских смыслов.

В супружеский период эпистолярной коммуникации Б. Пастернака с З. Пастернак в обращениях адресанта наблюдается преобладание стилистически окрашенных лексем: с 1933 по 1935 г. – лексемы *Киса (Кисанька)*, которая, согласно словарю русского арго, имеет значение ‘ласково-шутливое обращение к кому-либо’ (*Дорогая Киса!; Дорогая моя Киса; Киса моя золотая; чудная Киса*); с 1935 по 1941 г. – лексемы *Ляля (Лялечка)*, которому в словаре В. Даля дано толкование ‘дитя, дитятко, ребеночек, младенец’ (*Ляля моя, жизнь моя!; Родная моя Лялечка!*); с 1941 по 1942 г. – лексемы *Дуся*,

которое в «Историческом словаре галлицизмов русского языка» приводится в значении ‘дорогая, сладкая, милая; дорогой, сладкий. Обращение’ (*Дорогая моя дуся Зиночка!; Дорогая моя дуся!*); с 1941 по 1957 г. – лексемы *Зиночка* (уменьшительно-ласкательная форма имени адресата) и *мамочка*, которое, согласно МАС, используется ‘в ласково-фамильярном обращении к мужчине или женщине’ (*Дорогая моя Зиночка!; Зиночка, мамочка моя, дорогая моя радость!; Дорогая Зиночка!; Дорогая, бедная мамочка Зинуша*).

На протяжении всей долгой переписки Б. Пастернака с О. Фрейденберг почти все обращения поэта были выдержаны в одной дружелюбно-вежливой манере: они не лишены эмоционально-экспрессивной окраски, но спектр выражения эмоциональности и экспрессивности достаточно беден и достигается преимущественно за счет аффиксации имени адресата. Формально и семантически такие обращения представляют собой речевые клише: *Дорогая Оля!; Дорогая Олюшка!; Дорогая Олечка!; Дорогая Олюша; Олюшка, дорогая моя сестра!*

Автором широко востребованы не только начальные, но и срединные обращения в тексте письма, позволяющие создать атмосферу прямой, а не дистантной коммуникации, а на ранних этапах общения установить более близкие и доверительные отношения. Как заметила А. В. Курьянович, «эпистолярное обращение помогает создать в рамках дискурса столь важный для данного типа коммуникации пресуппозиционный фон» [1, с. 251]. В первом письме к Е. Пастернак (Лурье) от 22 декабря 1921 г. автором употреблено 6 обращений: в начале письма (*Женичка*); в тексте письма – четырехкратный повтор имени адресата в уменьшительно-ласкательной форме (*Женичка, Женичка, Женичка, Женичка!* [4, с. 376]); обращения, в которых не используется форма имени адресата (*золото; Ах, дорогая, дорогая!; радость* [4, с. 376–377]); в заключительной части эпистолярного текста – обращение *дорогая Женю-рочка моя* [4, с. 377]. Второе письмо к Е. Пастернак от 23 декабря 1921 г. включает 11 обращений [4, с. 377–379]. В каждом абзаце данного письма более двух раз повторяется одна форма имени адресата: в первом абзаце используются начальные обращения *Женичка ласочка* в первом предложении и *Женичка* в начале второго высказывания; в первом предложении второго абзаца употреблено обращение *Женичка, душа и радость моя и мое будущее*, а первое слово второго и третьего предложений – *Женичка*; в третьем абзаце использованы обращения *ясная моя!; Женя; О Женичка, Женичка!*; в четвертом – *Женичка* (в начале и конце абзаца). Повторяющиеся элементы в начале и в конце письма создают кольцевую композицию. Анафоричные сегменты каждого абзаца эпистолярного текста задают эмоционально-торжественный, возвышенный тон, являются смысловым и логическим выделением наиболее важной информации, объединяют все части текста. Таким образом, прозаический текст наделяется признаками поэтических произведений.

В эпистолярном цикле писем Б. Пастернака к Е. Пастернак встречаются письма-объяснения, письма-признания, акцентирующие внимание на значимости личности адресата для автора. Основные функции обращений (номинация коммуникативного партнера, привлечение внимания собеседника к высказыванию, призыв к участию в речи) коррелируют с экспрессивной оценкой и выражением субъективного отношения автора к адресату. По мнению У. М. Федуловой, «обращение всегда выражает какие-либо логико-смысловые или экспрессивно-стилистические оттенки, благодаря чему оно в любой словесной форме способно выступать как определенное выразительное средство» [6, с. 239]. Обращения в таких письмах образуют эмоционально-оценочную основу. Маркерами экспрессивности являются словоформы, передающие различные оттенки выразительной силы, актуализирующие эмоциональное и оценочное значения в обращениях. От выбора способа внедрения субъективной модальности зависит степень экспрессивности эмоциональных и оценочных значений. Обращения в эпистолярных текстах имеют разнообразные модальные оттенки и реализуются через индивидуально-авторское использование лексем, предназначенных для конкретного адресата, словообразовательные элементы самих обращений, а также через пояснительные слова к обращениям.

Письмо от 19 июня 1924 г., адресованное Е. Пастернак, определяется Б. Пастернаком в заключительной части как письмо-объяснение. Обращения играют ключевую роль в раскрытии модальности данного эпистолярного текста. Автор сообщает об исключительной значимости и первостепенности для него адресата, о силе своей любви, определяет положительные душевные качества коммуникативного партнера. Помимо эмоционально выразительных, семантически и композиционно значимых обращений в начале (*Дорогая девочка, жена моя и друг!* [4, с. 484]) и заключении письма (*Женичка моя, Женичка моя, Женя, это ведь я объяснение тебе написал. Боже, что со мной!* [4, с. 488]) в срединной части данного текста представлены следующие развернутые обращения:

Слава, слава тебе, мое счастье, волна моя, заливающая глаза мне. <...>

И будь всегда и вечно со мной, холодное мое небо, мечтающий нерв, бессонная жилка лесов и полей, когда они в цвету. <...>

О родное мое в горле вставшее имя, о девочка с Евгеньевской, о жена моя, о моя надежда и любовь, о волна, о глубина, о смех, в который я сейчас брошусь, о милосердие, в которое я нырну, о гордая моя ширь, умница, губы, волосы, плыву, люблю, люблю, люблю! [4, с. 484–488].

Обращения выражены преимущественно абстрактными существительными, с которыми согласованы притяжательное местоимение *мой*, прилагательные и причастия или осложненные определительные придаточные предложения. В последнем высказывании для придания обращению более интенсивного эмоционального оттенка девять раз повторяется усилительная частица *о*. Как отметила У. М. Федулова, «однородные обращения (наиболее простым видом которых является повторение одного и того же слова или словосочетания) по характеру более выразительны и эмоциональны, нежели обращения одиночные». [6, с. 240]. В приведенных контекстах повторяется субстантивная лексема *девочка*, которая употребляется только по отношению к Е. Пастернак; неоднократно используются субстантивы *жена*, *слава*, *волна*, а также глагол *любить* в форме настоящего времени первого лица единственного числа.

Обращения в срединной части письма почти полностью отсутствуют в эпистолярных текстах Б. Пастернака к М. Цветаевой и З. Пастернак. Исключением является письмо к М. Цветаевой от 4 марта 1926 г., в котором, кроме развернутого начального обращения *Марина, бездоннодушный друг мой, соседняя топка житейской котельной, под теми же парами, пиши мне на вы, умоляю тебя, нам не надо взрываться* [4, с. 608], девять раз использовано обращение к адресату по имени. Это письмо-призыв, цель которого – установить необходимую, по мнению автора, дистанцию между ним и коммуникативным партнером. Начальное обращение состоит из формы имени адресата, окказиональной атрибутивной лексемы, метафор, императива (принадлежит к эмоционально-волевой сфере языка).

Обращения в основной части письма к О. Фрейденберг нечастотны и не отличаются лексико-семантическим разнообразием: преобладает форма имени адресата *Оля* в сочетании с атрибутивными лексемами *родная*, *дорогая* или междометием *ах*. Встречается единичное употребление в составе обращения лексемы *милая* (в письме от 14 (27) июня 1912 г.). В письме от 29 декабря 1921 г. форма имени адресата используется в сочетании с поздравительным этикетным высказыванием: *С Новым годом, Олечка!*

Важную роль при создании образа адресата играет введение в контекст **атрибутивных лексем**. По мнению К. Э. Садриевой, «в языке художественных произведений различные группы слов, в том числе имена прилагательные, подвергаются многочисленным трансформациям: обогащается смысловой объем, осложняется эмоционально-оценочное содержание слова. Иными словами, в контексте художественного целого лексическая единица может сохранять свойственные ей общепринятые значения, а также приобретать новые смыслы. Подобные семантические приращения происходят под влиянием контекста, идеи и проблематики произведения, авторского видения мира» [7, с. 218]. Эстетическое (индивидуально-авторское) значение (определение Л. И. Донецких [8]) атрибутивных лексем является наиболее содержательным, так как имена прилагательные обладают особыми возможностями в области коннотации и семантики. Так, автор может употреблять в отношении определенного адресата лексемы, которые повторяются на протяжении всей переписки и тем самым приобретают особое эстетическое значение. Многие исследователи (В. В. Виноградов, Л. И. Донецких, Е. М. Вольф) отмечали, что богатство сочетаемостных возможностей атрибутивных лексем является неиссякаемым источником художественно-эстетического значения.

Излюбленными атрибутивными лексемами Б. Пастернака при создании коммуникативного портрета Е. Пастернак являются имена прилагательные *белый*, *чудный*, употреблявшиеся, как правило, в полной форме, а также *большой* в сочетании с существительным *лоб* (нередко эта характеристика трансформировалась в сложное прилагательное *большелобый*).

Атрибутивная лексема *белый* в эпистолярных текстах Б. Пастернака, находясь в определенном лексико-семантическом окружении, используется для актуализации значения чистоты, невинности, одухотворенности и формирует особую эмоциональную тональность. В контексте *милая белая девочка* атрибутивная лексема *белый* коррелирует с субстантивной лексемой *девочка*. Такое сочетание приобретает общую семантику ‘чистый, невинный, как ребенок’, создается яркий художественный образ, имеющий индивидуально-авторскую оценку. Атрибутив *белый* в определенном контексте может приобретать значение ‘возвышенный, неземной’: *...такая одухотворенная и белая по существу и замыслу Творца* [4, с. 472]. В представленном контексте имена прилагательные *белый* и *одухотворенный* ‘проникнутый возвышенными чувствами, стремлениями; выражающий возвышенность чувств и стремлений’ (МАС) представляют собой ряд однородных определений, что в данной коммуникативной ситуации является показателем их семантической близости. Кроме того, в прилагательном *белый*, введенном в один контекст вместе с сочетанием слов *по существу и замыслу Творца*, появляется дополнительная сема ‘божественный по своему происхождению’.

В МАС прилагательное *чудный* имеет следующие дефиниции: ‘вызывающий удивление своей необычностью, сверхъестественностью; волшебный’; ‘прекрасный, удивительный по красоте, прелести’;

‘отличный, очень хороший, великолепный’. Все эти значения реализуются в эпистолярных текстах Б. Пастернака к Е. Пастернак. В контексте **Чудное, достойное, непреднамеренно прекрасное лицо** описывается внешность адресата, и атрибутив **чудный**, коррелируя с субстантивом **лицо**, реализует второе значение, положительно характеризуя внешние данные коммуникативного партнера. В другом контексте, построенном по принципу антитезы, имя прилагательное **чудный** используется для оценки душевных качеств адресата, с которыми резко контрастирует заключительный однородный ряд атрибутивных лексем: *Ты **чудная**, Женя, такая одухотворенная и белая по существу и замыслу Творца, и у него мною добытая, я так бы преданно и просто мог бы любить тебя и люблю, но ты со мной, в моих руках такая самолюбивая, узкогрудая, корыстная, такая чужая, такая ненавидящая* [4, с. 472]. В третьем контексте прилагательное **чудный** входит в состав обращения и совмещает в себе функции адресации и характеристики: *...Той, **чудная** калевушка моя, какая ты есть...* [4, с. 472].

Словосочетание **большой лоб** или равное ему по значению сложное прилагательное **большелобый** употребляются при описании как внешности (*Милая **белая** девочка! Я сегодня взглянул на ту карточку, где ты с Бетти снята, и не мог без улыбки глядеть на твой **большой лоб*** [4, с. 467]), так и душевного состояния адресата (*...ведь это ты можешь быть и должна быть вечною моей умывающейся красавицей, белой, ясной, **большелобой**...* [4, с. 472]).

При создании эпистолярных образов М. Цветаевой и З. Пастернак наиболее частотной и, следовательно, значимой является атрибутивная лексема **большой**, реализующая различные значения в зависимости от текстуального окружения. В большинстве эпистолярных текстов, адресованных М. Цветаевой, имя прилагательное **большой** имеет значение ‘замечательный в каком-либо отношении, выдающийся’ (МАС) и характеризует поэтический талант адресата: *Какие удивительные стихи Вы пишете! Как больно, что сейчас Вы **больше** меня! Но и вообще – Вы – возмутительно **большой поэт!*** [4, с. 482]; *Прямо непостижимо, до чего ты **большой поэт!*** [4, с. 624]. В следующем контексте эстетический потенциал прилагательного раскрывается за счет корреляции с субстантивами, используемыми автором в их непрямом значении (**человек** ‘личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств’, **артист** ‘тот, кто обладает высоким мастерством в какой-либо области, талантливо делает что-либо’ (МАС)): *Потом, когда они [стихи] перерождены твоей мерой, мудростью и безукоризненной глубиной, достаточно повести бровью и, не меняя положенья, бросить шепотом: «А? Каково! Какой **человек большой!**» <...> Какой ты **большой**, дьявольски **большой артист**, Марина!* [4, с. 622–623].

Кроме того, атрибутивная лексема **большой** в текстах писем к М. Цветаевой и З. Пастернак используется для выражения авторской положительной оценки душевных качеств и интеллектуальных способностей коммуникативного партнера: *Мое представление о **большой** образцовой душе, которая не может не быть **большим умом**, знающим все и любящим свое знание* [4, с. 600–601]; *Какая может быть безвыходность, когда жизнь никогда не была для меня таким **большим**, таким прекрасным, таким облагораживающим выходом, как ты* [4, с. 474]; *Родная моя, удивительная, бесподобная, **большая, большая*** [4, с. 493]; *Тебя, **большую, большую**, во весь вечер и город* [4, с. 500].

Довольно часто в письмах к З. Пастернак встречается атрибутивная лексема **бесподобный** ‘не имеющий себе подобного, несравнимый; превосходный, отличный’ (МАС), которую автор вводит в текст с целью дать положительную оценку личным душевным качествам адресата: *Родная моя, удивительная, **бесподобная**, большая, большая* [4, с. 493]; *Невероятная, **бесподобная**, боготворимая* [4, с. 548].

При создании особого коммуникативного образа О. Фрейденберг автор намеренно отдает предпочтение краткой форме имени прилагательного в синтаксической роли предиката, что обусловлено функционально-коммуникативной семантикой высказывания. В своих работах М. В. Всеволодова выделяла три основных типа высказывания (сообщение, оценка, суждение), для каждого из которых указывала нежесткое разграничение в сфере использования полных или кратких имен прилагательных [9]. Как утверждает А. А. Котов, «высказывание-сообщение в принципе допускает использование обеих форм; в высказывании-оценке предпочтительна постройка полной формы, особенно в сочетании с поддерживающим квалификатором степени проявления признака, а краткая типична для немногочисленного класса оценочных прилагательных с отчетливой коннотацией, которые активны в том числе в конструкциях, демонстрирующих речевую энантиосемию. В высказывании-суждении (выводе, умозаключении о философской, физической сущности носителя признака) используется только краткое прилагательное» [10, с. 67]. Сентенции Б. Пастернака, в структуре которых присутствуют краткие формы имен прилагательных, имеют пограничный характер высказывания-оценки и высказывания-суждения. Помимо оценочной функции, в них реализуется функция характеристики коммуникативного партнера. К тому же проявление признака в кратких формах прилагательных отличается большей интенсивностью, категоричностью авторских суждений: *Ты **деятельна, сознательна и лирически-мужественна*** [4, с. 54]; *И ты ведь слишком **умна*** [4, с. 56]; *Так абсолютно **реальна** вся ты сейчас! Ах, ты такая, такая!* [4, с. 60]; *Как ты тут во всякое время и на любой срок **желанна*** [4, с. 526].

При создании образа адресата автор активно использует **абстрактные существительные**, обозначающие различные действия, признаки, качества, свойства, а также отвлеченные понятия. Довольно часто субстантивы являются характеристикой положительных черт личности адресата сквозь призму видения автора и реализуют такой прием воздействия на адресата, как похвала. Похвала Б. Пастернаком осуществляется в двух направлениях: как выражение собственного отношения к положительным чертам характера и деятельности адресата и как презентация тех его качеств, которые, по мнению автора, заслуживают восхищения. Для раскрытия образа Е. Пастернак адресант использует абстрактные существительные второго типа: *глубина и здравость взгляда, суждения и соображения; тишина пространств и времен; заметность, добровольность, невооруженность, талантливость, зрение, знание, совершенство, душа, ум*. Для похвалы М. Цветаевой автор употребляет абстрактные существительные, с одной стороны, выражающие чувства (*восхищение, любованье*), а с другой – характеризующие качества адресата с положительной стороны (*мудрость, глубина, чутье, предполаганье, испуг*). В эпистолярных текстах к З. Пастернак преобладают абстрактные существительные первого типа: *безвыходность, ликование, грусть*. В некоторых случаях автор использует и абстрактные лексемы второго типа: *непосредственность, сердечность*. В письмах, адресованных О. Фрейденберг, объектом похвалы автора чаще всего является ее талант филолога, мастера слова, который проявляется в письмах к автору (*содержательность, насыщенность сюрпризами; чутье*).

Заключение

В ходе исследования были выявлены и охарактеризованы средства создания образа адресата в письмах Б. Пастернака к Е. Пастернак, М. Цветаевой, З. Пастернак, О. Фрейденберг. Представлены и охарактеризованы обращения, атрибутивные и субстантивные лексемы, являющиеся наиболее значимыми элементами языка при создании образа адресата.

Установлено, что обращение в структурно-композиционной организации эпистолярных текстов Б. Пастернака занимает начальную и срединную позиции. Начальные обращения представлены в письмах ко всем адресатам. Обычно в обращения к Е. Пастернак включаются формы имени адресата либо используются «безымянные» обращения с ключевыми лексемами *девочка, друг, дорогой, милый, мой* в их структуре. На раннем этапе эпистолярного общения с М. Цветаевой представлен только один способ обращения – конструкция-клише *Дорогая Марина Ивановна!*; позже начальное обращение опускалось, что имело особое значение. Тональность начальных обращений к З. Пастернак находится в прямой зависимости от этапа эпистолярного общения: в «досупружеском» периоде способы обращения варьируются от клишированно-нейтральных до глубоко эмоциональных, наполненных сильными душевными переживаниями и чувствами автора; в «супружеский» период в разные годы появляются частотные лексемы, используемые самостоятельно или в структуре обращения: *Киса* или *Кисанька* (1933–1935), *Ляля* или *Лялечка* (1935–1941), *Дуся* (1941–1942), *мамочка, Зиночка* (1941–1957). Практически все обращения к О. Фрейденберг выдержаны в одной дружелюбно-вежливой манере, в спокойном, без особой эмоциональности и экспрессивности, тоне.

Срединные обращения чаще всего используются в эпистолярных письмах Б. Пастернака к Е. Пастернак. Их основная функция заключается в имитации прямой, а не дистантной коммуникации, т. е. в установлении более доверительного общения. Частые повторы обращений в структуре письма участвуют в создании кольцевой композиции эпистолярных текстов, а также наделяют прозаический текст анафористичностью поэтического произведения. В письмах, адресованных М. Цветаевой и З. Пастернак, срединные обращения практически отсутствуют. В письмах к О. Фрейденберг обращения в срединной части текста встречаются, но редко, кроме того, они не отличаются лексико-семантическим разнообразием.

Важную роль при создании образа адресата играют атрибутивные лексемы. Они приобретают различные значения в зависимости от лексико-семантического и грамматического окружения и наделяют образ адресата определенными, присущими только ему чертами. Так, коммуникативный портрет Е. Пастернак создан с использованием имен прилагательных *белый, чудный*, а также словосочетания *большой лоб* и его атрибутивного варианта *большелобый*; М. Цветаевой – *большой*; З. Пастернак – *большой, бесподобный*. При создании коммуникативного образа О. Фрейденберг автор отдает предпочтение кратким формам имен прилагательных в синтаксической роли предиката. Однако при явном доминировании данных грамматических форм отсутствует лексико-семантическая доминанта (атрибутивные ключевые лексемы в текстах писем к О. Фрейденберг не обнаруживаются).

Создавая образ адресата, автор активно использует абстрактные существительные. Они вводятся в текст для характеристики положительных черт личности адресата, отражают авторское видение

и восприятие и участвуют в реализации такого приема воздействия на адресата, как похвала. Воздавая должное достоинствам адресата, Б. Пастернак либо выражает собственное отношение к его положительным чертам характера и деятельности, либо отмечает положительные качества адресата. В исследованных нами текстах писем Б. Пастернака преобладающим является второй тип похвалы (исключение – письма к З. Пастернак).

Библиографические ссылки

1. Курьянович А. В. Жанрово-стилистические особенности русского эпистолярного письма первой трети XX века: узус и идиостиль. Томск : Изд-во ТГПУ, 2013.
2. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М. : Рус. яз., 2002.
3. Пастернак Б. Л. Переписка Бориса Пастернака. М. : Худож. лит., 1990.
4. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений с приложениями : в 11 т. Т. 7. Письма 1905–1926. М. : Слово, 2005.
5. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М. : Наука, 1986.
6. Федюлова У. М. Стилистические функции обращения // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Филология. 2014. Т. 1, № 1. С. 239–242.
7. Садриева К. Э. Эстетическое значение имен прилагательных в языке художественной прозы А. С. Серафимовича // Уч. зап. Казан. ун-та. 2015. Т. 157, кн. 5. С. 218–226.
8. Донецких Л. И. Реализация эстетических возможностей имён прилагательных в тексте художественных произведений. Кишинев : Штиинца, 1980.
9. Всеволодова М. В. Употребление полных и кратких прилагательных // Рус. яз. за рубежом. 1972. № 1. С. 59–64.
10. Котов А. А. Об этноспецифичности одного грамматического явления в русском языке // Вестн. Черепов. гос. ун-та. 2011. Т. 2, № 4. С. 66–69.

References

1. Kuryanovich A. V. *Zhanrovo-stilisticheskie osobennosti russkogo epistolyariya pervoi treti KhKh veka: uzus i idiosstil'* [Genre-stylistic features of the Russian epistolary of the first third of the twentieth century: usage and idiosstyle]. Tomsk : Publ. house of TSPU, 2013 (in Russ.).
2. Formanovskaya N. I. *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskii podkhod* [Speech communication: communicative and pragmatic approach]. Moscow : Russ. yazyk, 2002 (in Russ.).
3. Pasternak B. L. *Perepiska Borisa Pasternaka* [Correspondence of Boris Pasternak]. Moscow : Khudozh. lit., 1990 (in Russ.).
4. Pasternak B. L. *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniyami* [Complete works with applications] : in 11 vols. Vol. 7. [Letters from 1905 to 1926]. Moscow : Slovo, 2005 (in Russ.).
5. Kovtunova I. I. *Poeticheskii sintaksis* [Poetical syntax]. Moscow : Nauka, 1986 (in Russ.).
6. Fedulova U. M. Stylistic functions of circulation. *Vestnik Leningr. gos. univ. imeni A. S. Pushkina. Filologiya* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin. Philology]. 2014. Vol. 1, No. 1. P. 239–224 (in Russ.).
7. Sadrieva K. E. The aesthetic significance of adjectives in the language of A. Serafimovich's prose fiction. *Uch. zap. Kazan. univ.* 2015. Vol. 157, issue 5. P. 218–226 (in Russ.).
8. Donetskikh L. I. *Realizatsiya esteticheskikh vozmozhnostei imen prilagatel'nykh v tekste khudozhestvennykh proizvedenii* [Realization of aesthetic possibilities of the names of adjectives in the text of works of art]. Kishinev : Shtiintsa, 1980 (in Russ.).
9. Vsevolodova M. V. [Use of full and short adjectives]. *Russ. yazyk za rubezhom* [Russian language abroad]. 1972. No. 1. P. 59–64 (in Russ.).
10. Kotov A. A. Ethno-Specificity of a Grammatical Phenomenon in Russia. *Vestnik Cherepovetskogo gos. univ.* [Bulletin of the Cherepovets State University]. 2011. Vol. 2, No. 4. P. 66–69 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.03.2018.
Received by editorial board 15.03.2018.